

Что такое Рекот, Радагож, Скуян?

Борис Инфантьев

География Латвии в русских летописях примечательна в том смысле, что как правило местности называются латышскими наименованиями, за исключением единственно Цесиса, который в эти годы называется то Късь, то Венден. Приводим фрагмент из летописной записи о продвижении войск Ивана Грозного в 1559 году (на второй год вступления русской армии в Ливонию).

«Шли к Алысту (Алуксне) и Гольбину (Гулбене), и к Чесвину (Зесвеген). И от Чесвина (Цесвайне) пришли немцы (...) и воеводы Гедерла и Гануса побили, а третьево Яна Тува взяли, печатника Ардыбискунова и лучших 34 человека; да оттуда пошли к Равному (Рауна) да мимо Кесь. А городов взяли Пиклин (?), Рекот (?), Пибалка (Пиебалга), Зербин (Дзербене), Скуян (?), Ерль (Эргли), Радагож (?), Нитаур (Нитауре), Сунтеж (Сунтажи), Маслопольс (?), Новой город(?) и покинули немцы 11 городов» (Арх. Летопись, Л.329).

Примечательно: русский летописец предпочитает пользоваться латышскими наименованиями (как он способен был их воспринимать), а не официально используемыми во всех официальных документах немецкими и латинскими, произносимыми на немецкий манер.

Высшая волна русского присутствия в Ливонии

В 1571 году, на 12-м году Ливонской войны — в 1-й Псковской летописи подводятся некоторые далеко идущие итоги.

Тяготы Ливонской войны

Запись событий этого года начинается с сеговения по поводу разгрома Великого Новгорода: «И бысть тута и скорбь въ людехъ велия (...) Еще же к сему повель править посеку под наряд» и мосты мостити в Ливонскую землю и Вифлянскую и зелейную руду сбирати и от того налога и правезу вси людие Новгородцы и Псковичи обнищаша и в посоху поидоша, сами, а давать стало нечего а тамо зль скончашася нужно глада и мраза и от мостов и от наряду а во Псковь байдаки и ладьи пасохой тянули под Ливонские города, под Улех и немного тянув покинули по лесом, и тут сгнили, и людей погубили. И взят 24 города ливонское и Вифлянские у немец, и своих людей посади с нарядом и с запасы, а запасы возили из дальних городов из замосковных, и наполни грады чужие русскими людьми, а свои пусты сотвори. Егда же возвратися царь на Русь. Немцы же собравшееся из заморья из стольных городов, а Литва из Польши пришедши зело мнози все те городки очистиша себе и поимаша и людей побиша, а к нему прислаша немчина лютого волхва нарицаемого Елисея и бысть ему любим в приближении и положи на царя страхование, и выбеглец от неверных нахождения. И конечно был отвел царя от веры: на русских людей царю возложи сверепство, а къ немцам на любовь преложи. Понеже безбожнии узнали своим гадании, что были им, до конца разорением быть, того ради такового злаго еретика и прислаша к нему, понеже русские люди прелести и падки волхование: и много множества роду боярского и княжеска взусти убиты

цареви последи же и самого приведе наконец еже бежати в Аглиюскую землю и тамо женишися, а свои было бояре оставшее побити».

Если основным торговым путем Риги с русскими и белорусскими купцами считался известный путь «из варяг в греки» по Двине (через Полоцк, Витебск, Смоленск), что обуславливало приток в Ливонию русичей кривичского происхождения — купцов, духовенства, челяди — плотовщиков, — то другой торговый путь, оставивший такой неизгладимый след в истории Ливонии (может быть даже более заметный, более кровавый) шел по Говье (Гауе) через Турайду, Кесь, Алист, Юрьев на Псков, Новгород, а затем по Волге в «Индию богатую». Сама торговля по этому пути была сложнее: надо было переволакивать ладью и плоты, подстерегали кроме собственных ушкуйников и северные «друзья» — потомки викингов. Но игра стоила свеч и путь по Гауе оставил в истории Ливонии не меньший след, чем по Двине.

Торговля псковских и новгородских купцов не идентична по своему характеру. У псковских и новгородских купцов был еще один выход — на североливонские города. Но по сути дела эта особенность принципиально-го значения не имела.

Для новгородцев же и псковичей своеобразным эталоном был также договор Ярополка Владимировича, заключенный с немецкими послами около 1195 года — еще не было тогда ни Ливонии, ни Риги, и «немцы» представлены в виде послов «немецкой земли» и «Готского берега». В этом договоре главным образом исчисляются те пени, которые взимаются за убийства посла, купца, попа, толка (переводчика), «за сором», который купец той или иной стороны чинит женам и дочерям второй стороны. Определяется место разбора тяжб, возникающих между купцами обеих сторон. Примечателен пункт договора, который впоследствии не выполнялся: «Оже тяжа родит в иное земли в русских городах, то у тех свое тяжа пращати, искати новугороду не надобе, а тяжа на города, искати новугороду не надобе, тяжа на города, а немчин свободь, и новгородци». Не менее примечателен и следующий пункт: «Оже придет в свое ладьи в немецкой домовъ, аче сам не поидет в ней оцеть, муж даст кормнику». Новгородца «не сажати в погреб в нецах».

Эталоном всех последующих мирных, тор-

говых договоров между восточнославянскими (позднее и литовскими) и 73 ганзейскими городами была «Мстиславова Правда», заключенная между Ганзой и восточнославянскими княжествами еще в 1229 году.

Малоисследованные до сих пор правовые и хозяйственные основы торговли ливонских и Ганзейских купцов с русскими княжествами, и прежде всего с Полоцком, Витебском, Смоленском, Суздалью требует хорошего ознакомления с подлинными текстами мирных и торговых договоров, известных исследователями в самых незначительных объемах. Поэтому считаем исключительно важным исследовать эти памятники как юридическую и экономическую основу русско-ливонских политических и культурных связей.

Всем договорам «мать», так называемая «Мстиславова Правда», договор, заключенный смоленским князем Мстиславом, Полоцким, Витебским князьями с Ганзой в 1229 году. Все последующие мирные торговые договоры исходили из этой «Мстиславовой Правды», которую здесь приводим полностью.

«Бог того не дай, оже разбой по грехом приходится межи немци и Руси, что за что плотити, абы мир не раздрушен, абы немцию любовь была. А се починок правде:

1. Оже убьют вольного человека, платити за голову 10 гривен серебра (...) по 4 гривны кунами или пенязи, а за холопа гривна серебра; аже кто холопа ударить, гривна кун. Та же правда буди и в Смоленьске, и в Ризе, и на Готьском березе.

2. Аще око выбьют или руку отьтнуть, или ногу, или иная которая храмота на теле явиться, 5 гривен серебра, а за зуб 3 гривны серебра. Та же правда буди в Смоленьске и на Готьском березу.

3. А кто деревом ударить человека до крови, полтора гривны серебра; аже ударить по лицу или за волосы иметь, или батоном шибеть, платити без четверти гривна серебра; аже послови и пригодится пакость или попови, въ всякой обиде за два человека плати дань.

4. Аще кто друга ранить, а храмоты на теле не будет, полторы гривны серебра платити.

5. Аще Руский гость или в Рызе, или на Готьском березе извинится, никакоже его всадити на дыбу, оже будет порука понь (..), то лзе всадити в железа, или немецкий гость извинится (..), не лзе его веречи в погреб; оже не

будет понь поруку, лзе его всадити в железа.

6. Оже немецкий гость дать свой товар в долг в Смоленське, а Русин будет должен Руси, ино немчию наперед взятии. Таже правда буди Русину в Ризе и на Готьском березе.

7. Аще лзе Готьском березе в Ризе князь взвержетъ (гнев) на Русина, и повелить его розграбити с женою и с детьми, а Русин будет должен немчию (то Немцию) наперед взятъ, а потом како Богови любо и князю. Таже правда буди Русину в Ризе и на Готьском березе.

8. Или немецкий гость дать холопу князю или боярьску, а кто задницю (наследие) его возметь, то у того немчию товар взятии. Тоже правда буди Русину в Ризе и на Готьском березе.

9. Русину же не лзе (...) вести одинаго Русина в подушьство, ни двою. Тоже правда буди немцев в Смоленське.

10. Русину же не лзе имати немчина на железо (испытане раскаленным железом), та-коже и немцину Русину; аже возлюбить сам своею волею, то (...) его воля.

11. Русину же не лзе позвати немчича на поле (поединок) в Смоленське, ни немчию в Ризе и на Готьском березе, или немецкий гость биться на Руси межи собою меци или сулицами, князю то ненадобе и никакому Русину, а (...) правятся сами посвоему суду (...).

12. А (...) имать Русин немчина у своею жены, ино за сором 10 гривен серебра: таже (...) Русину в Ризе и на Готьском березе.

13. Аще который немчиць учинить насилье над вольною женою в Смоленське, а дотоле было не слышать бладе ей, 10 гривен серебра за сором; таже правда буди Русину и Ризе и на Готьском березе.

14. А како услышитъ Волаский тиун еже гость немецкий приехал, в Смолняны на Волок, послати ему своего человека вборзе к Волочаном, ате перевезуть немецкий гость (...) с товаром; а никтожь имать им пакостити, занеже в той пакасти велика пагуба бываеет Смоляном от почаный. И немцем метати (...) жеребы, кому пойти (...) наперед. Аще иный гость будет Руский, тому пойти позади.

15. А како будетъ гость немецкий в городе, дати им княгини постав частины, а тивуну Волочколу рукавичъ перьстатый готьский.

16. А который Волочанин вскладываетъ товар немецкий или смоленский на кола своя

черес Волок везти, а что погынеть того товара, (...) всим Волочаном платити. Таже правда буди Русину (...) и на Готьском березе.

17. А како будетъ немецкий гость в Смоленське городе, тако ему предати свой товар без всякия борони (препятствия); а как будет Руский гость в Ризе и (...) на Готьском березе, вольножи ему продати (...) безовсякой борони.

18. Аще который немчиць хочеть пойти с своим товаром в иный город, князю не боронити, ни смолняном; или который Русин всхоцеть с Готьского берега в Немечкую землю в Любок, немцем не боронити (...) пути того.

19. Аще который Русин возмет товар у немчица, а понесеть товар из двора, тый товар не ворочается; или который (...) товар купил у Русина и понесеть из двора, тый товар не ворочается.

20. Русин же не лзе позвати (...) на опычий суд, то его воля. А немчию не лзе позвати Русину в Ризе или на Готьском березе на опычий суд, то его воля.

21. Русину же не лзе приставити Дечкого (пристава) к немчию в Смоленське, но преже обвсетить старейшему их: оже старейшина его не умолвить, то лзе ему (...) приставити. Таже немчию в Ризе и на Готьском березе, не лзе ему приставити Дечкого.

22. Оже будет Русину товар имати на немчичи или в Ризе, или на Готьском березе (...), в котором городе в ином немецком: пойти истью к истью, и взятии ему тая правда, которая (...) в том городе; а рубежа им не деяти; а немчию таже правда взятии в Руси (рубеж — захваченная территория).

23. А немчию платити весцю от двою капье (с 24 пуд) куна Смоленская.

24. Оже купити немчию гривну золота, дати ему ногата весцю, или продать, не дати ему ни векши.

25. Или который немчиць купить (...) суд (сосуд) серебряный, дати ему от гривна куна весцю, или продать, не дати ему ни векши.

26. Аще купить немчиць гривну серебра, дати (...) весцю 2 векши. Или продать, не дати ему.

27. Оже немчин дать серебро платить, дати ему куна Смоленская гривень (с гривны).

28. Аще воцный (воцанный вес — 12 пуд) исказиться, лежить кать во святой святей Богородици на горе, а другая в немецкой Бого-

родици: то тый пуд изверяче, право учинити. Таже правда буди Русину в Ризе (...).

29. Немчию же всякой товар вольно купити без борони в Смоленьске, такоже и Русину вольно купити всякой товар без борони в Ризе.

30. Немчию же не подобе ни кое мыто из Смоленьска.

31. Аще Смоленьский князь поидеть на войну, не надобе ему (немцу) ехати; еже всхотеть с князем, то своя ему воля; такоже буди и Русину воля в Ризе (...).

32. Аже Русин или немчиць иметь тату у своего товара, в том его воля, что хочет учинити.

33. Русину же не дати пересуда (судной пошлыны) ни в Ризе, ни на Готьском березе, ни немчию же платити пересуда в Смоленьске (...) или у князя, или у тиуна, или урядили будут добрии мужи; боле же того не поимати ни в Ризе, ни на Готьском березе. Таже правда буди немецкому гостю в Смоленьски.

34. А пуд (вес) дали немчи Волочаном, иже (...) им товар возити (...) всякому гостю, и коли исказиться, а подруг (такой же) его лежить в немецкой божнице, а другый ковати изварившись тими.

35. Еписком же Рижьский, Фолкун мастер Божиих Дворян и вси волостели по Рижской земли дали Двину волену от устья доверху по воде, и по берегу всякому гостю Рижьскому и не мочь кому ходящим вниз и вверх.

36. Епископ же Рижьский, Фолкун мастер Божиих Дворян и вси волостели по Рижеской земли дали Двину волену от устья доверху по воде, и по берегу всякому гостю Рижьскому и не мелцькому ходящим вниз и вверх.

Бог того не дай, аще кого притца примет, или ладья уразиться. Русская или немецкая, вольно ему свой товар привезти к берегу без всякой борони. Аще будеть пособление людий мало будете а к тому (...) принаймати люди в помочь; то, что будеть сулил; наймой. Через то (...) боле не взятии. Тоже правда буди Русину в Ризе (...), и немчию в Смоленьской волости и в Полотьской и в Витебьской.

А се грамота написана бысть при Попе Иване и при Мастере Филкине и при Рижьских мужех, и при многих купчех Рижьского Царства, яже есть тех печать на сей грамоте. А се (...) суть сему послуш (свидетель) регембот, Тетарт, Адам, горожане на Готьском березе;

Мемнебер, Вередрик, Домом из Люика; Индрик, Тонлиер: тоже суть из Южата (Данцига?) — Кондрат Кривый, Еган Кинот: ти (...) суть из Мунотера (Мюнстера) — Берник и Фолькирь. Тиже суть из Глугли (Гренинген?) — Ярем, Брахт, тиже суть из Дротмины — Индрик, Чижик: тижи из Дрямь (Бремен) — Альбрых Слук, Берняр Велитерь, Алеберь судья Рижьский: тоже суть Рижане. Аще который Русин или немчиць противился, всхочеть сей правде, да тот противен Богу и сей правде».

Прошло 10 лет и сын Мстислава в 1240 году возобновляет договор, составленный при его отце. Новый документ изложен в несколько иной форме, чем договор 1229 года — в виде связного текста. Существенное отличие — денежный штраф налагается, как явствует из самого текста, лишь в том случае, когда «разбойника» нельзя поймать. Объем штрафов остался прежним. Для того чтобы показать новое оформление договора, приводим начальный ее текст, а также те существенные дополнения, которые отсутствуют в «Мстиславовой Правде».

«А ряд мой немьци таков: Аже боудоуть мои Смолняне в Ризь, вольное тьргование им в Ризь. Аже боудоуть Смолняне на Гтьском бьръзь, вольное тьргование им на Готьском бьръзь.

А мьста на корабли вольная, како немьчицю, тако и Смольняниноу».

Кара за смертоубийство выражено в следующих пунктах несколько иначе, чем это отмечено во «Мстиславовой Правде»: «Аже оубьют моужа вольного, ть выдати разбойники, колико то их боудьть было: не боудьть разбойников, то дати за голову 10 гривен сьръбра. Аже оубьют посла или попа, то двое того дати за голову; аже не боудьть разбойников; боудоуть разбойници, выдатие».

Дальше, как и во Мстиславовой грамоте исчислялись пени за выбитое око, попорченную ногу, руку, «хромотоу в тьль, зоуб, за «удар дьръвьмь», высказывает запрещение «в дыбоу» и «в жельза всадити».

Более развернута часть договора по экономическим вопросам:

«Или Роуський гьсть свои тьварь дасть в долг или в Ризь или на Гтьском бьръзь ньмчицю, а нь дьлжен боудеть инеем, Роуському же гьсти на перьдь взятии. Или Немьчьский гьсть в дьло дасть Смольньскь свой тьварь

Роусиноу, аче дължен боудѣть инѣм, Немѣчьскому гѣстьи на пѣрьдѣ възяти. Аже боудѣть владыцѣ или мастерови или котѣрому сойдѣи гнѣв на котораго Немѣчица, а възсочети и казнити, а боудѣте тот дължен Немѣчиц Смоляниноу, порѣже дати емоу тѣварь Смоляниноу, а в прочее его воля. Аже Смолянин тѣварь дасть в Ризѣ или на Гѣтьском бѣрьзѣ, а не расплатив ся поидѣте к Богови, а кто задѣницю възметь. Тот и госптиньи тѣварь дасть.»

В новой грамоте и другие уточнения в отношении торговых сделок: «Аже боудѣть трговати Смоляниноу и Немѣчицѣм, Смоляниноу одинѣх Смолян на послоушѣство не выводити. Такоже и Нѣмѣчица, такоже и в всѣх тяжах ряд Смоляниноу с Немѣчицѣм про послоушѣство».

Далее повторяется запрет «Мстиславовой Правды» выводить и немца, и русина на железо (на испытание железом) «без его воли». Все же добавляется: «А за сором емоу 10 гривенъ сѣрьбра възяти».

Отрицается также поединок, в который не должны вмешиваться судьи. Но вот рядом новое положение, отсутствовавшее в «Мстиславовой Правде»: «Оже который немѣчиц в Ризѣ или на Гѣтьском Бѣрьзѣ свяхет Смолянина, или в желѣза възсадитъ, за сором емоу платити 3 гривны сѣрьбра, такоже и Немѣчицю Смоляньскѣ».

Первым пунктом штрафов выступает отрывание бороды: «Аже кто оурѣветъ бороды смоляиноу в Ризѣ или на Гѣтьскомъ Бѣрьзѣ, или Смоляниноу немѣчецю томоу оурок 3 гр. сѣрьбра».

В разделе о приставе, волоке Новым можно считать запрет возврата купленного товара: «Аже немѣчицѣ коупитъ в Ризѣ (...) оу Смолянина товар, нанесетъ его домовѣ, а възхочетъ воротити, Смоляниноу же тѣтъ товар ненадобе боле; такоже и немѣчицю Смоленскѣ».

Проблема транзита и в этом договоре решаются так же, как в предыдущем: «А како боудѣть немѣчьскыи гѣсть Смоленскѣ, а почнѣтъ ся кто отъ них просити выноу землю, то како то было при моемъ отци, при Мѣстиславѣ при Романовици, и при моемъ братѣ, при Мѣстиславѣ, о нем он прашати, а мнѣ е по доумѣ поущати».

Тем не менее, далее следуют снова новшества, которых не было во «Мстиславовой Правде»: «Аже оубыють тивоуна княжа, городско-

го, 20 гр. сѣрьбра, какои послоу».

Распространяется и раздел о насилии. Насилие над вольной женщиной карается штрафом в 10 гривен серебром, а насилие над рабой — в одну гривну.

Образец торгового договора «с немецкими послами» Новгорода, в котором на первое место означены и послы Любека и Готланда, является договор предположительно 1262 года, в котором наименование Ливонии даже не упоминается.

Предположительно в 1262 году написана грамота великого князя Новгородского Олександра, сына его Дмитрия, посадника Михаила, тысяцкого Жирослава с немецким послом Шивордом, любекским Тидриком, готским Оаьлентѣмъ (как видим, Рига еще здесь не упоминается) о мирной торговле.

Договор касается общих принципов свободной торговли: «Новгородцѣм гостити на Гоцкым берег пакости, а Нѣмцѣм и Гѣтъм гостити в Новѣгород бес пакости, и всему латиньскому языку, на старѣй мир. Пуд отложихом, а скалви поставихом по своей воли и по любви».

Далее следует о различных пошлинах и платежах: «А в Ратшину тяжу платили есмы 20 гривен серебра за двѣ голове, а третью выдяхом. А Нѣмцѣм и гѣтъм и всему Латинскому языку платити по двѣ куни от копи, и от всякого възнаго товара, что кладутъ на скалви, и продавшее и купившее».

Следуют некоторые уточнения: «А старѣй мир до Котлингѣ. А Новгородцѣм в становици на Гѣтьскомъ Бѣрьзѣ бес пакости в старѣй мир. А зимнии ростъ оже не поиметъ нашего посла, ни Новгородцѣских купецъ из Новгорода или с Гѣцкаго берега, а что ся учинитъ и с Котлинг до Новагорода или из Новагорода до Кетлинг Немецкѣм гостити, оже бес посла поидутъ то Новугороду тяжа не надобе, в старѣй мир».

Отдельно оговаривается торговля в Карелии: «Оже кто гоститъ в Корѣлу, или нѣмци или Гѣтяне, а что ся учинит, а то Новугорду тяжа не надобе. А которых тресе дворѣц възпросим ваша братья послити, а тѣх ся есмы отступили по своей воли. А се старая наша правда и грамота на чемѣ цѣловали отци ваши и наши крест. А где ся тяжа родитъ, тую кончати. А иное грамоты у нас нѣтутъ, ни потаили есмы, ни въздаем; на том крест цѣлуем».

Если в предыдущих грамотах речь шла о

защите интересов смолян, хотя под ними подразумевались все восточнославянские купцы, непосредственно полочане и витебляне называются впервые из известных исследователями грамот в 1264 году в грамоте князя Гердена.

В ней, прежде всего, подтверждается дар князя Константина, который передал Ливонии довольно солидный участок в юго-западной части полоцкой территории, о которой с благодарностью вспоминает и Иннокентий IV в своей булле: «Тако како грамота написана. Тако им надо всею землею отступити, што есте Лотыгольгольская земля, как не вступатися на тую землю, што князь Костянтин дал иестерю с своею братьею, с своею грамотою и с печатью, како боле того на ту землю не поискывати. Вверху того про ту пакость, што ся в розмирьи отворило, как им от тое земли местерю и братви его отступити с всею правдою»

Следуют гарантии свободной торговли немецким купцам: «Вверху того немецкому гостю в Полочскую волно ехати и торговати, купити и продавати, такоже Полочаном и Видибляну волно гостити в Ригу и на Готьскы берег. А где будеть кто кому виноват, в томь городе правити, где тот человек живет, инде суд ему не искати; в которой волости человек извинитися, ту ему правда дати, или вина его».

Предположительно к 1265 году относится грамота Полоцкого князя Изяслава, которой снова подтверждается ход судопроизводства в случае нарушений нормальной торговли между полочанами и немцами: «На семь к мне целовати крест в правду, любовь имети и мир: как было при первых князьях Полочских Полочаном, Видьбляном волное торговаиье на Готьскомь березе и в Любьце, а рубежа не дяти».

Особо оговаривается судопроизводство:

«А кому с кым тяжа, суд дати без перевода, а суженого не посуживати, а где кому годно, ту тяжеться; поручники и должники и холопы выдати. А што он в рать деяло и в рубежах, про то вам не мьщати, ни нам вам мещати. Чего ся есме отступили в Ризе, к тому вам не приискывати ни людей, ни земли, ни воры, ни борти. На семь же целуйте ко мне крест по любви в правду без всякого извета».

Предположительно 1265 годом датируется грамота князя Ярослава Ярославовича, который сообщает о ярлыке хана Менгу Тимура о свободном проезде по Двине ливонским купцам: «Менгу Тимурево слово ко Ярославу князю: даи путь немецкому гости на свою

волость. От князя Ярослава ко рижаном, и к большим и к молодым, и кто гостит, и ко всъм: путь ваш чист есть по моей волости; а кто мнъ ратный, с тем ся сам въдаю; а гостю чист путь по моеи волости».

Рижский посол, насколько нам удалось установить, впервые упоминается в 1269 году в грамоте великого князя Ярослава, посадника Павше, тысяцкого Кондрата. Это «Михайла Инце Олцять» — Hinze Holzatis или Hincus Holsie.

Предположительно в 1275 году написана рядная грамота Тешаты с Якимом, которую написал Довмонтов писец и которая хранится в Рижском архиве, значит она как-то связана с Ригой, хотя в самой грамоте Рига не упоминается.

«Се поряди ся Тъшата с Якиномъ про складъство, про первое и про задънее и на дъвць Яким серебро взял, а мониста Тъшатины у Якимовы жены свободна. Тъшять взятти и рощет сучинити промежи себе, а больне надобъ Якому Тъщята ни Тъять Яким. А на томъ послуси Девдъ поп Дорожка Домослав Вькошкын Богдан Кузма Лоиковичъ Жидило Жихновичъ Иван Смолнянин. А кто сии ряд переступтъ Яким ли, Тъщята ли, тот дасть 100 гривен серебра».

В 1284 году написана грамота Смоленского великого князя Федора Ростиславовича о судебном деле смоленского и немецкого купца:

«Се яз князь Смоленьскый Федор соудил есмь Биреля с Армановиємъ про колокол, про Немецьскым. Бирель прав, а Армановичъ виноват. Выдал есмь Армановича и с дворомъ. Немьцом за колокол. А тоу были на соуде со мною бояре мои: Григоръ намъстьник, Данило, Артъмии, Микула Дядковичъ, околничии, Поутята Дядковичъ, а от Немець были на соуде искали колокола: Ян, Альбрат из Брюньжвика, Гньци, Яган Варсньдорьпръ, Моисьи, княжъ печатник Федоров, печатал».

В 1287 году написана грамота «митрофолита (!) Ризького» «ко своему милому сынови князю великому Федору»: «То буди тебе ведомо про тую жялобу, что Витьбляне жялобилися на Рижяны, чимъ то хотели оправитися противу Гелмика, и их слово таково. Хотели ся темь словом оправити и рекли так пред князем Бряньским: выехали 50-ть мужъ из Риги и оубили человека, и оузяли 10-ть берковьсков воскоу. И ныне я митрофолит тако молвлю, как то Витебляне неправдою жялобилися на Рижяны, и ныне то есть мне ведомо, аже Ри-

жяне суть в томъ невиновати; и ныне я тому дивлюся, аже твои наместник слушает всякого человека слова. А та правда есть промежи вас и нас: кде ся тяжия почнетъ, ту концяти. И ныне я молюся вам, как то можете стояти оу тои правде и оу крестномъ человании. Аже имеешь жялобитися вас кто на Рижяны, или Гелмико или кто инии, и вышлите к нам а мы правдоу дамы по Божьи правде».

О Гелмике известно, что он торговал на Двине еще при монастыре в Рацыбурге, при епископе Иоанне, литовском князе Тройдеке, с 1274 по 1279 годы.

В 1294 году написана грамота великого князя Андрея Александровича к мужам Латского короля в Ревель: «...Что несте присылали послы ко князю и ко всемоу Новоуторъдоу с любовию и с ласкою, князь великий послал к вам своего сына, а вашего племянника Володимера, а от Новгорода Коузма и Илия, с любовию же и с ласкою. Что имоуть посъло великогъ князя и Новгородеским, томоу вероу имите, пословъ нашими оусты молвяте к вам».

Торговлю псковичан с Ригию характеризует грамота псковского посадника Сидора в Ригу о выдаче рижанина (?) Нездильца. Грамота относится к началу XIV века и текст этого короткого документа следующий (в современной транскрипции): «От посадника Сидора и от Рагуила, и от всех сотских, и от всех псковичей. Зде Нездилько ваш во Пльскове с детьми торговал с Кумордою и не доплатил Куморде 20 гривен серебра, и полутретия гривны серебра. А Ивана Голова человека нашего ввел в поруку. А Иван (...) побегал к вам. И ныне учините правду — выдайте Нездильца поручнику. Зде наша братия и дети ваши торгуют и вводят люди добрые в поруку. И мы за виноватым не стоим. Или не выдадите Нездильца поручнику, то мы исправим в Плескове на вашей братии».

Здесь следует подчеркнуть сплошные сложные отношения между поручителем и истцом. И средства воздействия в том случае, если провинившийся не будет выдан.

Переписка Риги с Полоцком касалась не только жалоб и различных судебных разбирательств. Так, грамота Полоцкого епископа Якова, относимая к 1300 году, касается скорее просьбы о помощи, возможно потерпевшему Полоцку от неурожая или иных бед: «А ныне есмь суведал, любовь ваша правая с сыном моимъ, с Витенемъ; такоже, дети, была любовь ваша первая с Полочаны, с детми моими, што

вам было надобе, то было ваше. А ныне што детем моим надобе, того им не бороните; а ныне абы сте пустили жито су Полотеско».

В то же время и в этой грамоте епископ не преминул напомнить о том, что в случае надобности он не откажется выступать и в качестве судьи: «Аже будетъ Полочанин чимъ виноват Рижанину, я за темъ не стою своими детьми, исправу дамъ. Аже будетъ Рижанин чимъ виноват Полочанину, вы дайте им исправну такоже».

Подтверждение валентности прежде заключенных мирных и торговых договоров иногда оформлялось в весьма краткие обобщенные подтвенждения. Таким была грамота Смоленского князя Александра Глебовича, относимая к 1300 году: «Како есте были в любви с отцемъ моимъ Гльбомъ, и с моимъ стриємъ Федоромъ, тако будете и со мною в любви; а язъ тоъже любви хочю с вами. Гость ко мнѣ поущайте, а поуть им чист, а мои моужи к вам ъдутъ, и поуть им чисто».

Противоположность только что процитированной краткой грамоте — не в меру обстоятельная грамота рижан — жалоба Витебскому князю Михаилу Константиновичу на него же самого. Написана примерно в том же 1300 году и как единственный в своем роде примечательный документ приводится полностью.

«Поклон от ратманов и от всех горожан ко князю Витебскому Михаилу. И ныне пришли пред нас наши горожане, ино нам поведали со великою жалобою, которыи были зимусь с тобою у Витебъсце както еси товар у них отъял силою и неправдою. То было и первое: был у тебе один детина, наш горожанин, а иногда не бывал у вас, тогда рать была Литовская под городомъ, он же хотел у рать ити, девкы купити и взял мець с собою, по нашей пошлине. Тогда, идя путем, заблудил к монастыряви, и выскочившее 3 черньчи, жо четвертый человек иный с ним, ту его емъшю были и рвали, и мець вызетяли силою у него. И потомъ, княжо, ты на другой день ем его, сковал еси и держал его еси до того же дне, а товара еси стял на 3 берковъскы воску. Княжо, то еси неправду деял.

Забыл еси, княжо, своего крестного челования, занеже сам ведаши, княжо, како не тако есть мир dokonцан, на старый мир, и на том крест челован. Както нам вашей братьи правда дати, а обиды не створити, ни малу, ни велику; тако было и вам по крестному челованию обиды не створити, ни малу. Ни велику, нашей

братии правла дати, товара силою не грабити, человека не мучити без вины. Княжо, слышишь сам от своеи братье, както ты, княжо, деешь. А се тебе поведываем другую обиду: за грехы пригодило ся так, княжо, се дела дружина у пиру пиюче друг друга заразил до смерти както тьи бои удеал ся, тогда он, убо я вся живота, утек к тебе, княжо. Немчи жо, то увидавшие, ажо к тебе утек разбойник, и пришли пред княжо Немчи и молися тебе: выдай нам разбойника. И ты, им выдал разбойника, потому, княжо, шол еси у разбойникову клеть, товар еси разбойников взял, в иных людей товар был тутожь, и то поймал еси, княжо, тотъ еси неправду деял. Ты сам ведаешь, както те тако есть мир докончан межи земле. Аже друг друга убить до смерти, а имуть того человека кто разбои учинил, тому дати вина, по его делу; а товар его свободен своему племени. И ныне мы молим ся тебе, абы тьи товар отдал его племени. А се тебе 3-ю обиду поведываем, про тую детину, что товар его был со разбойниковым товаром у клети, както поехал из Витебска у Смоленск, получил жо у разбойникове клети волны жо овчины на 5 серебра. Он же у Смоленщце услышав, аже ты его товар со разбойниковым товаръм узял, и он убоже наконь въсед, поехал у Витебск, и молил ся тебе, княжо, абы ты его товар отдал, что еси взял с разбойниковым товаром из клети, то ты ему не дал. То еси, княжо, неправду деял. И ныне, княжо, мы ся тебе молим, както тьи товар отдал, что еси взял безъвиные вины сеи. Еще, княжо, мы тебе поведываем 4-ю обиду, у чомъ то еси неправду деял, както ныне правду ставиеше както есме не чювали от отчов, ни от дедов, ни от прадедов наших. Аже ты велишь кликати, сквозе торг: гость со гостемъ не торгуй! Княжо, у том еси неправду деял. Княжо, аже еси тако у своемъ сердчи тотъ то еси неправого думою думал. Будуть тебе, княжо, лишни людье тую думу подъядали, той не у честь тебе дали тую думу; то есть тебе, княжо, достойно, аже бы тые люди казнил, както быше инии людие бояли ся, кто лихую думу подъядаеъ. Княжо, нашъ горожанин Фредрик продал человеку мех соли, и он услышал, ажо ты не велел гостеву со гостемъ торговати, и обестил ся тебе, княжо, и ты ему велел продати, и он шел с темъ человеком, соли весить, както еще, соли не весили. Твои дворяне стояли ту у дворе; у Фредрика ключъ взяли силою клетьныи, и пошли прочь. Потомъ твои детьскыи Плюс, пришед, рекл Фредерику: поиде

ко князю. И он пошел к тебе, по твоему слову. И както пришел к мостови, рекл Плюс: поиде семо, zde князь, не ведя его к тебе, княжо, жо к собе в ыстобъку, и ту порты с него снем за шию оковал, и руки и ноги, и мучил его так, както буди Богу жаль. И потомъ ты детьскые свое послав на его подворие, и велел еси товар его розграбити, на 4 капи воску. И ныне мы ся тебе молим, абы тьи товар отдал княжо. И сам ведаешь, ажо неправдою еси свое крестное челование забыл. И се наше 5-ю обиду поведываем, както немчи послали свое кове из Смоленска у Витебеск, то ты, княжо, тые коне обизрел, и улыбил еси одиного коня, так тои конь был Герлахов, тоте ты его зотел без измены. Тии людье рекли: княжо, мы коня не дамы, ни продамы его, не смеем: конь Герлаков. И ты, княжо, давал еси на кони 10 изроев, и они не взяли. Тотъ ты рекл. Княжо: дайте вы мне конь, я вас провожю из Смоленска и сквозе Кассию, а учена хочю проводить с коньми и до Полотьска. Тотъ дали тебе конь, по твоему слову, княжо, дал жо есть пристав, своего человека Прокопия, и приехал Прокопии к Смоленску тои первое, и далее ему скорлата порт жо чатор. Прокопьево слово так: у которыи день вы будете готови, я с вами готов буду. В тьи жо день, по его слову, приготовили ся есме были, и рекли есме Прокопии: се мы готови, поедимъ! Прокопиево так: не могу я из света во тму ехати. Прокопий, на конь свои усед, поехал у Витебск, а вашу братию попустил. Княжо, тимъ словомъ не дослужил ся еси того коня. Аже бы ты у своемъ слове стоял, а нашу братию проводил бы, мы быхом не поминали того коня. И ныне мы ся тебе молим, както отдаи Герлиху конь, а любь 10 изроев, что еси сам первое давал на кони, или того не даси, ни коня ни серебра, Герлах хочет своего коня искати, како мога. А се еще 6-ю обиду поведываем, про Ильбранта, что твои брат торговал с ними на 30 изроев: 17 изроев заплатил, а тринадцать изроев не заплатил. И ниже, княжо, мы ся тебе молим: отдай Ильбранту товар, своего брата душе постерега. И ныне 7-ю обиду поведываем, какого было нашей братии поехати из Витебеска у Смоленск, тогда Литва изымала их на пути, у твоємъ городе, княжо, вязало их, и мучили, и товар отимали в них. А у твоей волости ся то деяло. Товара взяли ту на 70-тъ гривен серебра корного, и на 3 серебра, княжо, тебе было тое обиды постеречи. Аже бы ся то деяло при отчи твоємъ Костянтине, тая бы обида николи же была нашей братьи,

как ся тогда удеяла. И ныне, княжо, мы ся тебе молим, както тем людем отплати ты товар, которым то деяло у твоеи волости и у твоёмъ городе.

И ныне, княжо, пришол пред нас шахмат жо Фредрик. И то нам поведал се жялобою, както если торговал с ним, и не заплатил. Княжо, то было тебе достойно, у кого купише, тому заплати, то они быть на тя не жяловали. И ныне 8-ю обиду поведываем, про весы, както слышим от своеи братие, аже ты, княжо, лишнее емлешь, както есме не чювали ни из отчины, ни от дедов, ни от прадедов. И ныне мы ся вам молим всем сердцемъ, княжо, както есть мир доконцаи и крест челован на старый мир, тако и ныне, княжо, отложи лишнее и всяку неправду: аже стоите старый мир, тако и ныне, княжо, отложи лишнее и всяку неправду: аже стоите старый мир, твердо, како доконцано. И ныне, княжо, то буди тебе ведомо: аже не отложише лишнего дела и всякое неправды, мы хочом Богу жаловати ся, и тем, кто правду любить, а кривду ненавидить. Мы свое обиды не положим, а боле не можем терпети».

Этот Инца (или Инча) Ольцять (или Ольчать) упоминается как рижский посол и в последующих новгородских грамотах. В грамоте князя Андрея Александровича и посадника Семена предположительно около 1301 года, в которой, кстати, имеется и такой немаловажный как для рижских, так и для немецких купцов пункт: «Оже будет не чист путь в речках, князь велит своим мужам проводить сии гости а весть им подати». О правах русских купцов здесь не говорится: очевидно, путь «нечист» за море и в Германию не предполагался.

Предположительно в 1301 году написана грамота великого князя Андрея Александровича об определении торговых путей.

«Се приеха Иван Бълый из Любка, Адам с Гочкого берега, Инчя Олчять (Хинца Холтзатус) из Риги, от своеи братии, от всьх коупчь своих латиньского языка. И дахом им 3 поути горни по своеи волости, а четвертыи в рьчках; гости иехати бес пакости, на Божии роучь и на княжи и на всего Новагорода. Оже будеть нечист поуть в рьчках, князь велит своим моужем проводить сии гость, а въсть им пьдати».

Предположительно в 1303 году написана грамота о возврате награбленного товара и выдаче разбойников.

«Благословение от владыки Феклиста и от

посадника, и от тысяиьского и от всего Новагорода, и от всьх купьцов к пискупу к рижьскому Герлаку и к Ламбрату, и к всьм ратманом, и к всьм рижаном. Что избили братию вашу у вас и товар поимали, за то вам Бог помози, аже есте разбойников изыскати по христовному челованию. Правду держите, братеи нашей товар дайте и разбойники, а ть не будеть промежи нас рьци. А кто привезль грамоту сию, тому веры имате».

Для характеристики невзгод, возникающих на пути иноземной торговли новгородских купцов в Риге, ценный материал содержит грамота новгородского архиепископа Феоκληста, относимая исследователями приблизительно к 1300 году. Адресована она к «пискупу к Рижскому и к Герлаку и Ламбрату», очевидно, ратманам, которые названы после упоминания их имен: «Что избили братию нашу у вас и товар поимали, за то вам бог помози! Аже есте разбойников изыскали, то хрестному целованию правду держите, братеи нашей товар дайте и разбойники, а то не будет межи нас речи. А кто привезл грамоту сию, тому веры имате».

Один из основных видов полоцко-рижской торговли был воск, столь необходимый в жизни как западного, так и восточного христианина. Воск, кстати, широко использовался и для освещения, поэтому архиважным был не только в религиозном культе, которому в те времена отводилось первостепенное значение, но и в повседневном быту зажиточной части населения, для нужд которых прежде всего и существовала торговля, которая уже в те отдаленные и по нашим соображениям примитивные времена, играла немалую роль в жизни и повседневном быту человека. Как торговать воском, как его взвешивать, оплачивать, браковать — обо всем этом исчерпывающе рассказывает грамота, относимая к 1330 году.

«Так охочем мы горожане с мешперемь: переже, како весити воск на скалвах, а вам чинити такожь, иь тяжелей нашего полупуда тож товар, который въсити на скалвах, а язык пускати на товар; а коли товар на стану станеть, отступи прочь, а рукою не приймай; а въсцьви крест цьловати, каки ему право въсити, какий ни товар будеть. А Немцьм дати въсчего от бърковьска засушня от воску, от мьди. От олова, а соль въсити оу пудный рьмьнь, от върковьска оузятти иему долгая, от рубля дати ему долгая. А в Ризь Рускому купцьви от

вса дати иему от бърковска пол овря, от воску, от мѣди, от олова, от хмѣлю; а соль вѣсти пуднымъ рѣмѣнемъ, от бърковска дати иему от вса любѣцкый и от гривны серебра любѣцкый. А вѣсти чистый воск без подьсада, без смолы, без сала, как върх, тако испод. Ажо привѣзеть нечистый товар, а нелюб будетъ, поиехати иему назад со своимъ товаромъ, а свой князь тамо казнить иего. Аже найдуть оу Немѣцъ нечистый товар оу Руской земли, пойти иему назад с товаромъ оу Ригу, там иего свой князь судить».

Словарь к тексту: вѣче — вѣчая пошлина; долгая — какое-то количество взимаемой пошлины за провоз товара; весить — взвешивать; посады — примесь.

17 мая 1338 года Ганзейские послы (от Любека, Готланда) в присутствии Дерптского епископа, магистра Ливонского Ордена, ливонских рыцарей Далена, Иксюля, Тизенгаузена, Левенвальда, Врангеля договорились с послами великого князя Филиппом и новгородцами Андреем, Филиппом, Павлом, Анисимом, Микулой о судьбе товара убитого Волоса: «ведаться со своим истцом — Гинзе Фельбергом». Если Гинзе появится «в подсудную местность», там его задержать и «дать на нем суд «по крестному целованию». Что касается Герборта, который «был с Волосом на том корабле» — «об этом вераться детям Волоса самим с Гербортом, а гостю дела до того нет». Если Герборт «приедет на эту сторону моря, будь то в Дерпт или Феллин, то известить об этом, а истцу ведаться с истцом». «А то что двое людей были убиты на Неве, дать в том суд купцам, по крестному целованию. А что немец был убит в Рождество, новгородцам дать в том суд».

В договоре предусматриваются и такие случаи, когда вспыхивают на территории Ливонии военные действия: «А будет после зло, убийство или другое побоище, гостю до этого дела нет, истцу ведаться с истцом, а гостю чистый путь без пакости и без рубежа, немецкому гостю и русскому. А будет у новгородцев война с королем шведским или с людьми датского короля, или с божьими рыцарями, или с епископом рижским, или с епископом эзельским, немецкому купцу дела до того нет. Чистый путь ему, и горой и водой, без пакости».

6 января 1342 года заключается специальный договор о торговле воском. От Риги при заключении договора участие принимал Лу-деке Донинге.

«Немцам брать воск с примесью от новгородцев до дня святых Петра и Павла так, как до сих пор они брали, а после для святых Петра и Павла или больше не брать от новгородцев воска с примесью, который был бы смешан с маслом или с желудями, или со смолой, или с горохом ни в Новгороде, в Пскове, ни в Полоцке, ни в Юрьеве, ни в Риге, ни в Колывани, ни на Готском берегу. Немцам брать у новгородцев чистый воск таким, каким Бог его дает, с его собственной подсадой, какой он есть. Новгородцам не брать воска с примесями ни от низовых, ни от корелов. А будет что привезет кто-либо поддельный воск в Новгород и случится с ним что-либо из-за этого, то не жаловаться ему ни на кого, а только на самого себя».

Примерно 1350-е годы. От половины XIV века до нас дошел другой документ — договор Смоленска с Ригой, заключенный «по dokonанию дедовскому» и по старым грамотам. Среди пунктов договора в контексте нашего исследования важно отметить следующее: правительство рижское обязывалось блюсти русских купцов в своих владениях как своих рижан.

В XV-XVI веках смоленская торговля утрачивает для Риги свое значение в связи с отдаленностью, неудобствами, связанными с волоком.

Некоторое время после 1350 года, но не выходя за пределы II половины XIV века, дошла до нас грамота Полоцкого воеводы Прижинта к магистру Курляндскому и Рижскому с просьбой отпустить на поруки трех человек. Грамота — важный документ для истории восточнославянско-рижских юридических отношений. Приводим центральную часть грамоты, излагающую самую суть дела:

«... Што же у нас простлъ Еремея на свои руки и всех ратьманъ и мы его пустили на мостеревы руки и всехъ ратьманъ А ко реченому дни ему опять были. Тако же и азъ всевода и вси бояре и вси мужи полочане при симъ и молимъ ся и всемъ ратьманомъ што же бы есте пустили на наши руки тако трехъ чълъвъковъ Илью Лишняна, Павла Себезького, Якова Виховичького. На воеводины руки и всех бояръ и мужъ полочаны. А реченому дни имъ быти».

В январе-феврале 1392 года заключен «Нибуров мир», так прозванный по имени любекского купца Ивана Нибура. При заключении этого торгового договора участвовал и рижский посол Тилько Нибрюге. И в этом догово-

ре речь идет о товаре, «что в Ругодиве поруб и против того товара повелед Новгород взяти товар своеи братии». Новгород «повелеша товар дати своеи братии: Федору, Михайле, Василию, Терентею, Сыену, Сидору, Ильиным детям, Ивану Нибур и Инце Вландерь и Федору Куру (куршу) — ведатися им самим с тыми истцами своими купцами, чего чей товар». «Теи товар, что в Ругодиве порублен — не у новгородских купцов, у Федора, Михайле, Василья, Терентея, Ильиных детей и у их друзей; а то Новгород уведается с ругодивцы, кто у их товар поимали.

Новгородским купцам путь чист на Гощы берег по пискупле земли Юрьевского и по его городам».

Примерно 1399 годом датируется грамота наместника полоцкого к ратманам рижским, в которой рассматривается не затрагивавшаяся до сих пор проблема о правильности весов. Приводим ту часть грамоты, в которой отмеченная проблема дискутируется:

«Што же писали есте намъ о весу о солонном о том весумного было словъ и послы ваши были у нас а весы солоньи восковыи серебрянии отъ вас пришли к нам и мы ныне в тыи весы весим а привезлъ к нам весы Иванъ Колинъ и солоньи и серебрянии. А только вам не любы ваши жъ весы и вы возмите свои весы а мы весимъ въ свои весы въ старьи а што Иванъ правит воску Момотовъ ученик а тоте воскъ поимали чистой сотое Софьи а поимал тоже воскъ Иванъ Марков ученик да Кондрат Еремеевъ, Микула Романовъ у Повалда у Ондрона у Сорочьковича а передъ наместники полоцкими перед Домонтом перед Васильемъ Дмитриевич перед Овдошъком Толъстоусович перед Терентъком Костянтинович Олександръ Лобъиничъ былъ Лука Попович, Климяга Мясникович и Игнатъ Немъчинович а Вильневъци были Семень Залотверъхий Тильковъ сынъ Иванъ а рижанъ Иванъ Колинъ Ерофеи Федьковъ брат Захарья Кудрявыи а и нашего воску взяли были 9 круговъ и мы у них выимали из учановъ и ныне чанамъ на васъ боле жалоба въ вашихъ весехъ у Беръковъска Полупуда нетъ, а въ серебряныхъ весехъ ползолотника по хрестъному целованью што бы есте то поправили».

К концу XIV века относится также грамота вдовы полоцкого князя Андрея в Ригу о белке: «...Што Федор Сорочьков привезла бельку ис Полотъска и поставил бельку у Федька а то

е белька наша. Отдаде нашу бельку. А велели есмо продати бельку тую Проньку да Кольцу».

Опять обида! Около 1400 года Новгородский посадник Александр Фоминич посылает в Ригу Бориса Кижанинова «про его обиду» «и вы есте блыскали с местером».

Большие трудности в добывании своего денежного долга от рижанина Ивана «на Лютке» претерпел новгородец Данила Ондреев. О его злоключениях рассказывает грамота новгородского посадника Василия Никитича в Ригу (относится к XIV-XV векам), выдержку из которой приводим:

«Здесь нам бьет челом ваш брат (очевидно, купец) Данила Андреев, что ему взятии на Ивана на Лютке без рубле тридцать рублей и двадцать золотник на товаре и како был здесь от вас в новгороде послан Олексей и посадник и тысяцкий и купце говорили вашему послу о Даниле, что посылала есте Данилу с местервою грамотою на Колывань. С местером с одной пославице к посадникам и к ратманам. И Даниле грамотку отвезле от колываньских посадников, и от ратманов к местерю и к вам, что Данила у Ивана у Лютке товара не взял и ваш посол Олексей повествовал посаднику и тысяцкому и купцам и всему Новгороду: Пошлите Данилу на Ригу, тамо ему исправа будет, а товара Лютки на половина у местеря, а половина у нас, и ныца послала есме своего брата Данилу к вам на Ригу, и вы нынеча Даниле исправу даите и товарец ему отдаите (...), а по городам ему не шлите прес его исправу, зандо брату нашему Даниле в тых ездех убойка много, а Даниле великы Новгород не мететь».

1405 год. Разрабатывается новый проект мирного договора Литвы с Полоцком. За рижскими немцами сохраняются их прежние льготы.

В первом варианте договора значилось: «А мимо города Польтеск немецкому купцю не ходити, торговати немцем у Полотвец». Это значило, что и полочане могли торговать только в Риге.

Однако в самом договоре это место звучит совсем по-другому: «Полочане могут мимо Ригу у землю, а Рижане мимо Полтеск у земли, куда хочют, то на обе стороне межи нас водою и землею».

Богатый материал, организующий рижско-полоцкую торговлю, содержит грамота 17 мая 1405 года, которую приводим здесь полностью:

«... Потом Полочаном немецким купцем с всем одиночеством за себе и за последних будущих доброю волею их пускати у Полочкы торговати, и с гостем и с Полочаны все сполу, то будь мало или велико, во всякой торговли, какой ли ни был товар, ни какого чего выложено, без всякой хитрости. Также мы хотим Русским купцем у Риге чинити. Потом Полочаном стеречи Немецких купцев, как своя братья, и право судити ему, и право деяти во всяком дѣле, без всякой хитрости. Также мы хотим Полочаном у Риге чинити. Потом еще которы Немчин извинитися у Полочкы, того Немчина отослати в Ригу: ратьмане его судять по своей правде, аже Полочанин извинитися у Риге, ино его послати у Польшеск, и тамо его свои и казнить по своей правде. Потомъ держати Полочки вес восковой берковеск больши Ризького берковеска пол пуда. А соль весити пудным ремнемъ, по старому закону. А за которыи вес не право будетъ, ино отослати у Ригу правити, по старому закону. А серебряны вес держати, по старому закону. А весьцем хрест целова, што им право весити на обѣ стороне, без всякой хитрости, во всяком весу. А от веса узяти по старому закону. А мы у Риге Руському купцеви тако же чиним. Потомъ, ажь бы какое стало нелюбие межи мещеря и князя великого Витовта, либо межю боярав, либо Куньдоров, либо риделев, либо дворянинов, на обѣ стороне, в тое купцем не уступатися: купцеви приехати, от ехати чисто всегда. Потом што починитися у рубежи какое мешанье, то опрочь купцев; а купцем и тое не уступатися; знати истыцю истыца, во всяком дѣле.

А сую грамоту нам, немцем, и вам, Полочаном, межи себе крьпко держати, по хрестенному целованью и по печатем, без бысякая хитрости...»

Новый договор полочане заключают с Ригой 21 июня 1405 года.

«Вам нашего полочанина стеречи, как своего брата немчина у Риге. А торговати по старому закону всякую торговлю, купити, продати». Торговать немцам положено «с гостем литовское земли добровольно. А с новгородци немецкому купцю торговати, а промежи има ходити нашему полочанину, занеже нас новгородци не пустят у немецкий двор торговати без своего новгороца. А с москвичи торговати вашим немцем также нашему полочанину межи ими ходити, торговати: зане-

же на нас москвичи тамыгу емлют. А восковый вес держати по старому закону, што же ваши берковеск восковыи больши вашего берковеска полупудом Ризьского весу; а сеоресбрыныи весы Ризькийи держати больши Полочкийи весов серебряных полузолотником. А соль весити пудным ремнемъ, а берковеск солонный учинити у восковые берковеск; а белки купити, а намет давати, а у двор не имати. А мимо города Польшеск немецкому купцю не ходити, торговати немцем у Полотъске, порозничы; а корьчмы вам у нас у Полотъске не держати. А кони нам у вас у Риге купити, на чем у верх ехати, а от ног не имати».

С каждым новым договором уточняются и отслеживаются условия ливонско-полоцкой торговли. В договоре 21 июня 1405 года находим новые уточнения и осложнения:

«... Вам вашего полочанина стеречи, как своего брата немчина у Риге, также по тому же стеречи у Полотъске. А торговати по старому закону всякую торговлю, купити, продати. Купити вам немцем у нас, у Полотъске, немецкому купцю пол берковеска воску. По тысячи белки. А торговати немецкому купцю с гостем литовское земли добровольно. А с Новгороци немецкому купцю торговати, а промежи ими ходити нашему полочанину».

Зафиксированные в Конисском договоре, подписанном в 1407 году Ригой и Полоцком, на долгое время устанавливается мир и правила немецко-русско-литовской торговли. Наследники Витовта лишь подтверждали договор, заключенный их великим отцом.

Было постановлено, что полочане в Риге не торговали малою торговлею, что называли «разницею». Полочане могут мимо Риги ездить в какую угодно землю сухим путем и водою. Если полочанин совершит какое-нибудь преступление в Риге, его отсылают для суда в Полоцк.

Большой интерес в этом договоре представляет точная регламентация самых мельчайших подробностей торгового процесса.

Соль в Полоцке должна весить (взвешивать) тем же весом, каким взвешивают воск. Теми же колоколами (гирями). Вес полоцкий будет больше рижского полпудом. Сперва рижане посылают свои колокола и скалвы, а потом, когда эти колокола сотрутся или изломаются, то уже полочане на свой счет посылают в Ригу для исправления эти колокола. Серебряные весы держать в Риге полузолотником

больше одного рубля. Весовщикам целовать крест, что будут взвешивать справедливо, как одному, так и другому. Весовщику при взвешивании отойти прочь от скалв, и рукой не принимать, а весчую пошлину брать в Риге на полочанах, такую, какую берут в Полоцке на рижанах. Если случится тяжба между полочанином и рижанином, то истцу знаться с истцом, а другому никому в их дело не вмешиваться и за это «препятствия торговле не делати». Купцам будет путь свободен и во время усобицы между магистром Ордена и земельными людьми.

Сказанное отнюдь не означает, что полоцкая торговля в XV веке протекала «без сучка, без задоринки». Так 26 августа 1409 года немцы в Полоцке, русские в Риге были взяты под стражу и посажены «в погреб». Выпущены лишь после продолжительных переговоров, результат которых — новая мирная и торговая грамота князя Ивана Семеновича, полоцкого наместника, который сообщает о заключении с Ригой нового торгового договора.

Кстати сказать, в Риге полоцкие купцы не только были задержаны со всем их товаром, но один «человек» «казнен», а его «струт с товаром» у него отобран и «челядь» рижские «торговци» «без кун поимали». Князь требует отпустить полочан, их струги и челядь. Далее «которые наши торговци восхотят на конех ехати, и конь к нам възведуть, тогда мы вашь товар отпустим к вам на низ, которые поторгованный воск а бълку. А коль паки будут наши люди в нас и вси с товаром, што на струзх иду, мы паки тогда весь вашь товар отпустим». Дальше идут обычные формулы мирных договоров.

Вскоре опять — кровопролитие, связанное с арестом немецких товаров.

И снова взаимно захваченные товары. О них договорная грамота 21 августа 1409 года. В переговорах на этот раз в Новгороде с посадником Фомой Есифовичем участвовали послы от Риги, Юрьева и Колывани Иван и Тидеман.

«Тот товар, что задержали у Германа, Тидемана и Ганса с их товарищами, — Антон, тит, Якун, Матвей, Гаврила, Авксентий с их товарищами, и положили в церкви св. Ивана, — тот товар Новгород вернул немецким купцам с их товарищами. Тот товар, что был задержан у новгородских купцов в немецких городах, немцы должны вернуть новгородским купцам и дать свободно вывезти». После обоюдной

выдачи товаров, зла друг на друга больше не имели.

1414–1415 годы ознаменовались перемирием, которое через 5 лет было возобновлено, что обеспечило нормальное торговое сношение.

1417 год, ознаменованный двумя договорными грамотами с Ливонией (Ригой, Юрьевом, Колыванью) — одна грамота архиепископа Семена, другая — новгородского посадника Семена Васильевича, — повторяют обычные договорные стереотипы.

Ничего нового для изучения судебных русских купцов в Ливонии не дает и пространная договорная грамота Пскова с Ливонским Орденом 24 сентября 1417 года. В ней, правда, много фактического материала, освещающего военные позиции Пскова по отношению к Новгороду, Ливонскому Ордену и великому князю литовскому Витовту, анализ различных политических вариантов мирных и военных отношений Пскова с этими тремя державами, но торговые проблемы ограничены буквально одною фразой: «Послам и гостям и купцам чистый путь горою и водой с обеих сторон, торговать твоим гостям в земле магистра без вреда, по старому обычаю и по этому новому крестному целованию».

Иной характер носят грамоты в Ригу и Новгородского архиепископа Симсона и посадника Александра Игнатьевича (обе грамоты датируются 1418–1421 годами) о взыскании с рижских купцов Гинца Сассенбека («Зашембьяк»), его брата Ортимья — местерова толка — 50 рублей за взятую белку у Олександра Труфанова (или Трифанова?). И архиепископскую и посадникову грамоту привез в Ригу Алексей Попович.

Во II половине XV века юридические и экономические проблемы русско-немецкой торговли настолько созрели, что потребовали нескольких грамот с изложением и попыткой решения этих назревших проблем. В грамоте «от бояр Полоцких и от местичов, и от всего посполство прежде всего — снова о задержанных купцах и их товарах: «Што пишете до нас о своих купцех, што забавлены были в нас ваши купци, што про то был въздержал ваших купцев пан Ондрей, воевода Полоцкый, наш осподин. Што наши у Невгини были забавлены и посоромочены, и кони отойманы, а наши же кони, ино про то был пан Ондрей, воевода Полоцкый, ваших въздержал, доколе

грамота исходить до Невгинска кунтыря. А как грамота пришла от Невгинского, и ваши купцы поехали добри здорово, куды хто хочет. А што пишете до нас, жалуясь на нас, што ваших купцев не пустим мы ни до Витебска и до Смоленска, а ведь же панове, ведаете вы и мы што межи нас и вас есть старые записи, штоже нашим мимо Ригу а вашим мимо Полотеск чист путь, и водою и землею, куде хто хочет, ино, коли нас пустите, по старым записям, водою и землею, мимо Ригу, ино вашим чист путь мимо Полотеск, и водою и землею куде хто хочет. Аже вы нам поставляете один Юрьев против всее нашее дороги, а ведь вам и нам сведомо, што не писан Юрьев у старих записех; и вы нам отлазите одним Юрьевом противу всее нашее дороги».

В 1430 году со смертью Витовта началась 10-летняя борьба между Свидригайлом и Сигизмундом, что немало повредило нормальному ходу торговли, тем более что Ливонский Орден принимает активное участие в борьбе претендентов на престол, сражаясь то на стороне одной, то другой партии.

Договорные грамоты Великого Новгорода в лице его посадника, тысяцкого, именитых купцов периодически повторяются. Такие договорные грамоты составлены 16 июля 1436 года.

Лишь в 1439 году Сигизмунд утверждает на престоле и утверждает Кописский торговый договор.

40-е годы XV века. Преграды русским купцам в их немецкой торговле все увеличиваются. Все сильнее и реальнее преграждается путь к морю, а немцам — взаимно — в Витебск и Смоленск. Только когда рижский посол Герман Сундерн открыл для полочан вольный проезд через Ригу, полочане открыли немцам путь в Витебск и Смоленск. 1 марта 1450 года (среди послов — из Риги Иоганн Трерос), 1448 года (среди заключивших договор — «толк князь местеров Индрик»), 25 июня 1448 года (среди заключающих договор — магистр рижский Гейденрик Финке, комтур Мариенбургский Гиндрик.

Другая грамота, восходящая примерно, к тому же времени, рассказывает о рижских происшествиях. Написана грамота от имени одного полоцкого начальника:

«...И zde как приехал есмь у Полотеск, и купцы князя великого Полочане били нам че-

лом, а поведают, штож князь вашь мештерь Полочанам у Ризе торговати не дал, а еще и товар у них пограбил, и суды отоимал, во князя вашого мештереve земли, что пеши пришли к Полоцку: такую им соромоту учинил; ино не им соромоту учинил, осподарю вашему князю великому соромоту чинит. А вашим купцом Ризским у Полоцку добровольно торговали и вы бы князю своему мештеру говорили, штобы князя великого купцом Полочаном товар их отдал, а торговати бы дал, как издавна была по старому, а не въсхочет ли отдати, ино zde у Полоцку ваших купцов полно, и ны против велим товар у ваших забавити. А к нам бы есте отписали».

Не забыта в грамоте и Невгинская «конфузия»:

«А к нам бы есте отписали. А такжо у Невгини у Полочан товар трясут, а грабеж и гличами поставы колут, и вы бы и о том князю своему мештерю говорили, а к нам бы есте отписали против нашей грамоты. А Горман вашь нам на то слюбил и руку на том дал, што князя великого купцом Полочаном у Ризе торговати добровольно, и за море путь чист, водою и сухим путем, как издавна бывало, по старому. А дасть ли пан князь вашь местерь купцом Полочаном за море путь чист, а у нас вашим купцам Ризским путь чист к Витебску и к Смоленску. А ваши записи старые у Полочан, а Полоцкии записи старьи у вас. А как Гарман вашь нам слюбил и руку дал, што нашим купцом Полочаном за море путь чист торговати, и мы, по тому слюбенью по Гарманову, ваших есмо купцов пропустили к Витебску и к Смоленску, они ж и на Москве побывали. А как слюбите нам, што на ным, купцом Полочаном дадите за море путь чист торговати, водою и сухим путем. А мы ныне ваших купцов пропустим к Витебску и к Смоленску по старому. А такжо послали есмо слугу своего Дашка и Полочан до Риги, своим делом, своими речми. А отсюле поехали водою, а оттоле ужо не лза ехать водою, замержете, и они себе там кони купят: ино прошю вас, своих приятелей, штобы есте их пропустили добровольно».

Более конкретны псковские грамоты этого и последующего периода. Грамота Пскова в Ригу, относящаяся к 1463-1465 годам, содержит жалобы на рижан, учинивших над новгородскими купцами: «Жалуются нам молоди люди купцини Иване да Кузма на вашего брата Иволта, что тот, не зная Бога, вдерниях

наших купчин Ивана да Кузму 5 дней; а искал на них животу братии своего Ивана, что убил брата его слуга его жь; а искал на них чеппи золотой, да дву ковшов серебряных, да кругу воску, да белке без числа, да полтредьчяти бочек вина, да 4 бочек меду пресного».

«Мы тому вельми дивимся, — выражает свое недоумение псковский князь Иван Александрович, — что теи Иволт не право чинит, что на наших правых людех ищет, цего у брата его и не было».

Князь предлагает свое объяснение происшествию: «Было это так. Как брата его убив, слуга тую же ночь жбегле, ино отсталошь у него полтредьчять бочек пива да 4 бочке меду сыщенога. Ино тое пиво и мед поимали наши люди, кому был Иване виноват, а живот его за печатью лежал на городе. Потом, приехав Иволт просил у нас исправе головника, и животу, и пива и меду. И мы, обыскав, головника выдали и живот брата его; и он еще почьял просити пива и меду. И мы поставили перед Иволтом тых людей, которые имали пиво и мед за свои пенежи. Иволт, стоя, говорил так: мои брат не виноват был никаму жь. И мы отвечали Иволту: мы тебе с тымы людмы суд дадим по псковской послине. И он отвечал: яз приехал в Псков не тягаться. И вы, посадники рижкий и ратмани, не давайте вам таким збродням над нашими купщинамы, чтобы опять не держал наших купчин никого. А надобно ему на тых людех искати, которые поимали пиво и мед за свои пенежи, и он пусть едет ко Пскову, мы ему суд дадим».

Грамота содержит и вторую жалобу: «Жалуются Иване Филимонове да Кузма Кренева на Ивана на Кортавого: взял у них 20 гривен, а взял перед судьей, перед Кортон, что на Кеской улице живеть». Характер этой жалобы в грамоте не раскрывается.

В 1466 году на полочан в Риге было совершено нападение (инсультиерт ворден, С. Меттиг) и пришли и грозили рижанам репрессиями. Архиепископ Сильвестр пишет королю Казимиру: в Риге всякие моряки из Германии и Северных королевств, которые днями и ночами пьянствуют по трактирам, побили таких же пьянчужек из Полоцка — в этом рижский магистрат неповинен. 12 лет длится спор и только в 1478 году заключается, наконец, мирный и торговый договор.

Так оценивал события Рижский архиепископ, а иначе полоцкие бояре и жители Полоц-

ка в своем послании Рижскому магистрату о различных затруднениях, возникающих в торговле между двумя не всегда дружественными территориями.

«...Што пишете до нас о своих купцах, што забавлены были в нас ваши купцы, ино про то был въздержал ваших купцев пан Ондрей, воевода Полоцкий, наш осподин. Што наши у Невгина были забавлены и посоромочены, и кони отойманы, а наши же кони, ино про то был пан Ондрей, воевода Полоцкий, ваших въздержали, доколе грамота исходить до Невгинского куптыря. А как грамота пришла от Невгинского, и ваши купцы поехали добри здорово, куды хто хочет. А што пишете до нас, жалуюсь на нас, што ваших купцев не пустили мы ни до Витебьска и до Смоленска, а ведь же панове, ведаете вы и мы, што межи нас и вас есть старые записи, штоже нашим мимо Ригу чист путь, водою и землею, а вашим мимо Полтеск чист путь и водою и землею, куде хто хочет; ино, коли нас пустите, по старым записям водою и землею, мимо Ригу, ино вашим чист путь мимо Полтеск, и водою и землею, куде хто хочет. Ажь вы нам поставляете один Юрьев против все нашее дороги. А ведь вам и нам сведомо, што не писаи Юрьев у старых записех; а вы нам отлазите одним Юрьевом противу все нашее дороги. А што пишете до нас про давные должныкы, ино ведь ведаете сами, што истыцю истыца знати; а наш осподин, пан Ондрей, воеводы Полоцкий, нашим купцам дает децких, а велит правити. А што нам пишете, што ся нам кривды чинят у вашей земли, а либо у бискупове, а либо у котором городку, ино сами и ведает, што нам ни с чым записей нет, лишь вас; ино того деля нам пишем, штобы есте говорили князю мештеру и князю бискупу, штобы нашим не было шкоты на дорозе, великий король, жаловал вас по старым записем, ино ведаете же, панове, сами, што мы в старых записей не выступаем ничего; ино хотите ль нас пустити мимо Ригу по старым записем, водою и землею, и вы нам отпишете с сим чаловеком, хто вам сию грамоту даст. А через то будто здорово».

В этом документе примечательно несколько моментов. Прежде всего, важна констатация задержания полоцких купцов с их товаром и стругами в Невгине-Динабурге. Следовательно: не одна Рига была тем местом, где торговали полоцкие купцы.

Далее примечательны упоминавшиеся высказывания: если рижане не пустят полочан

«мимо Риги», то и для рижан путь в Витебск и Смоленск будет закрыт. То, что рижане разрешают полоцким купцам посещать Юрьев — этого еще мало для разрешения свободного пути в Витебск и Смоленск.

Во второй грамоте новая мысль: «Сором полоцким купцам — сором самому князю». И в этой грамоте упоминается тот же самый конфликт в Невгине, о котором говорилось в предыдущей грамоте.

Во время этих дискуссий в 1470 году рижане пишут в Данциг, что не могут допустить полочан плыть за море. Вольный путь таким образом — предмет вечных споров и с годами он становится все актуальнее. Одновременно Рига ограничивает и ганзейских купцов в областях Западной Двины.

В 1480 году Псковский князь Василий Васильевич жалуется польскому королю Казимиру на притеснения торговых людей, на нападение рыцарей Ливонского Ордена на Псковские пригороды, на захваты пленников: «Князь мастер, пришед на миру, на крестном целовании, и на землю святое Троицы, на отчину великих князей, два пригороды псковских выжгли, волости пожгли, христианство пересекли и в полон свели. А нынечи нам слышаны, што деи князь мастер тебе, нашему господину, честному королю бьет чолом на отчину великих князей, на Псков, а просит у тебе силы помоч на Псков. А сам будучи виноват перед Псковом; и ты бы, господине, великий и честный король, силы князю мастеру в помоч не давал на Псков; а отчина великих князей тебе, своему господину, честному великому королю, и посадники псковские и старые посадники псковские и сынове посъиччи, и бояре, и купцы и жители житие люди. И весь Псков чолом бьет.

Вторая жалоба: «Князь мастер наших пскович полонил, и тые наши полоняне псковичи через твою литовскую землю бегают ко Пскову из Немецкое земли и Литва тех полоняников ко Пскову не пускают забавливают у себе; и ты бы господине, пожаловал наших полонянуков пскович своим не велел приимати. А мы тебе своему господину чолом бьем».

К концу XV века ганзейское влияние подходит к своему концу. То огромное, всеохватное и всеобъемлемое влияние, которое оно имело в 1383 году и предписывало свободную торговлю и плавание по Двине только для Ганзейских купцов, давно миновало.

Следует, однако, отметить, что и во время

ганзейского влияния в Риге, вопреки запретам, русским купцам были открыты кредиты (об этом красноречиво рассказывают «Долговые книги») особенно под воск и белку (меха).

И в других случаях в отличие от Новгородских строгих регламентаций и в отношении торговли, и в отношении купеческого быта в Полоцке и других Двинских ганзейских конторах господствовала относительная свобода. Все же в XV веке полочане в Риге занимались только оптовой торговлей. И единственное, что свято блюлось — право свободного приезда и отъезда даже во время очередных военных схваток между Литвой и Орденом.

После закрытия Новгородской конторы в 1496 году русская торговля концентрировалась в Риге. Полоцкий рынок также перемещается в Ригу. Единственное правило, которое свято блюдется — это запрет торговать гостя с гостем.

Как выглядела, как регламентировалась торговля русских купцов в Риге в XVI веке в период русско-литовских противостояний?

С. Соловьев приводит документ, рассказывающий о том, какие преграды могли возникать на пути русской торговли в Ливонии со стороны полоцких властей. В 1502 году жители Витебска жаловались польскому королю на наместника Станислава Глебовича: «От каждого струга, отправляемого в Ригу, берет по десяти грошей; когда шлет свою золу в Ригу и велит там менять ее на соль, то на каждый мещанский струг накладывает по меху своей соли, а кто из мещан не захочет брать этой соли, с того берет по десяти рублей грошей (Соловьев С., 170).

Начало XVI века. Постоянные военные схватки русичей с ливонцами. «Довольствовались, — пишет Карамзин (II, VIII, V, сноска 157), — единственно купеческими связями».

После очередной победы над Ливонским Орденом в XVI веке русские включают в мирный договор такой пункт: русским купцам разрешается торговать во всех Ливонских городах.

И все же попытки заключить новые торговые связи делаются постоянно и теперь. Новгородский наместник Василий Шуйский и Морозов заключают в 1514 году мирные условия с Ганзой. Установили, чтобы россиян судить в Германии (в том числе и Риге, Вендене) как немцев; не показывать без ведома наместников велико-княжеских; не лишать вольности без суда.

«Торговать бы волен всяким товаром без вывета, а которые церкви русские и купцы в немецких городех, и те очистити по старине, а и не обудети. Купцу новгородскому ездить в немецкую землю с товаром горою и водою путь чист. А купит немчин у новгородца воск, а будет воск не чист, и ноугородцу тот воск обмени. А даст немчин серебро; а будет нечисто, и немчину то серебро обмени; а учнет продавати немчин соль и сельдь и мед в ласт, ино весчего нет, а ласт или продавати и купити по старине не скупю. А похочет ноугородец товар класти с немчином в ладью или в бусу в одном месте, а доспеетца притча на море, ино делитесь по товару, что останетца по крестову целованью; а задерет на море Новогороду к бусу ветром, да прибьет к неметцкую к новгородцкой земле, и те бусы обыскав отдавати на обе стороны без хитрости имати от тех бус перейма от 10 рублей по рублю. А дойдет ноугородец до казни в семидесяти гордех, ино его не казнити, а обослатись с наместники Великого Новогорода; а наместники пришлют в Ригу и в Юрьев и в Колывань человека два или три добрых, и нам перед теми людьми Ноугородцу туто и управа учинити. А взыщот Ноугородец на немчина, а досудят до целования, ино целовати ответчику. А в немецких городах судити ноугородца как своего ноугородцы. А порубу не бытии на обе стороны ни в Клешку, ни в погреб без суда не сажать, ни ковати».

Последний документ о торговых отношениях ливонской Риги с Полоцком относится к 1553 году. Причина упадка торговли — начало военных действий.

В 1554 году ливонские послы судили «восстановить» наши древние церкви вместе с католическими, опустошенные фанатиками нового лютеранского исповедания в Дерпте, Ревеле и Риге: за что еще отец Иоанн IV грозил ливонцам, сказав: «Я не папа и не Император, которые не умеют защитить своих храмов».

Торговлю объявляли свободною по воле Иоанна, которому жаловались купцы ганзейские, что правительство Рижское запрещает ее купцам ввозить к нам металлы, оружие, доспехи, и хочет, чтобы немцы покупали наше сало и воск в Ливонии.

Ливонская война — это не единовременное событие, а целая эпопея, вбирающая в себя также немало исторических памятников — документов, касающихся также и торговли. Так, в капитуляционном договоре Дерпта, помеченного 18 июня 1558 года, 9-м пунктом было записано: «Иностранные купцы, немецкие и русские, не могут торговать в Дерпте непосредственно друг с другом (гость с гостем), а только с дерптскими горожанами» (Карамзин).

Вообще-то в период Ливонской войны (1558–1583) «русская торговля» стала ограниченной. У русских купцов отняли подворья и склады для товаров. Прекратилась ли торговля во время военных действий вообще? Никаких определенных материалов пока не обнаружено. Однако надо полагать, что во время неоднократных кратковременных передышек, когда возобновлялись, хотя иногда возобновлялись непродуктивные мирные переговоры, могли быть и какие-то торговые сделки. Особенно относится это к периоду между первым и вторым эпизодом войны (60-е и 70-е годы).

Не найдены также материалы, проливающие свет на вопрос — какую роль торговые люди играли в деле снабжения армии теми продуктами, которые нельзя было добыть мечом или копьем, а также ту часть мирного населения, которое питалось не тем, что сама выращивала или находила. Разделяли ли немецкие купцы участь многих, взятых на саблю городов — продажу в рабство? Как распределялись рыцари с русскими купцами в городах, возвращенных ордену?